

ИНЦИДЕНЦИЯ КАК ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье речь идет об инциденте как методологической основе лингвистических исследований. Рассматривается речемыслительный механизм формирования языковых единиц на уровне слова, предложения, текста с точки зрения теории психосистематики Г. Гийома.

Dans l'article il s'agit de la methode d'incidence elaboree a l'ecole psychosystematique par G. Guillaume. L'icidence est considere comme le mecanisme conceptuel des operations mentales de l'homme au cours de la formation des unites de la langue et du discours.

На всем протяжении своего существования лингвистика как наука уделяет значительное внимание поискам общеметодологических оснований для лингвистических исследований. Термин «лингвистика» ввел Шарль Нодье в первой половине XIX в. в работе «Элементарные лингвистические понятия, или Краткая история речи и письма». Работа переиздана в издательстве «Droz» в Женеве в 2004 г. Думается, каждое направление, каждая лингвистическая теория отдали дань подобным поискам.

В данной статье представлена попытка отразить состояние общеметодологического аппарата в рамках теории психосистематики, разработанной французским ученым Гюставом Гийомом (1883–1960). В России изучению, популяризации, развитию теории психосистематики целиком посвятила свою научную деятельность доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена Луиза Михайловна Скредина. Работа созданного и руководимого ею научного семинара по психосистематике (1973–2004) в докладах и публикациях 11 итоговых двухгодичных конференций, равно как и научные труды самой Луизы Михайловны, отражают все многообразие направлений, поисков, дискуссий по проблемам психосистематики.

В терминологическом аппарате психосистематики понятие инцидентности занимает

одну из ключевых позиций. Луиза Михайловна Скредина определила инцидентность как понятие важное и нужное, позволяющее удачно объединить системно-языковые и функционально-речевые свойства слов, понять такую реальность, как функциональное слово, разобраться с транспозицией частей речи [Скредина, 1997. С. 56].

Общепринято определять инцидентность как соотношенность чего-то с чем-то, совмещение одного элемента с другим. Соотносимые элементы обозначаются терминологически как «опора» – *support*, и «вклад» – *apport*. Данные термины имеют общесемантическое значение и позволяют проводить концептуально-семантический анализ слова, предложения, сверхпредложенческих образований в одних и тех же терминах, что помогает избежать терминологической путаницы.

На каждом языковом уровне вышеуказанные соотносимые элементы можно поставить в соответствии с общепринятыми терминами. Так, на структурно-грамматическом уровне это будут «подлежащее» и «сказуемое», на коммуникативном – «тема» и «рема», на семантическом – «денотат» и «сигнификат». Важно отметить, что по своей сущностной характеристике инцидентность есть семантический, глубинный, объективно существующий механизм речемыслительной деятельности, имманентно присущий психической сущности человека и опреде-

ляющий отношение Универсум – Человек, которое включает в себе все содержание языка.

Термины «вклад» и «опора» призваны выразить динамический, или, как его называют в психосистематике, кинетический характер образования языковых единиц [Guillaume, 1973. P. 46; Stefanini, 1980. P. 46]. Любой механизм, если он работает, есть движение составляющих его частей. Подобное толкование сущности образования языковых единиц ведет к пониманию динамической природы языковой деятельности. Интересны в этом плане рассуждения А. Ф. Лосева о природе механизма. «В механизме дана общая идея; и все частное, из чего он состоит, отдельные колесики и винтики ничего нового не прибавляют к этой идее. Идея механизма несколько не становится богаче от прибавления к ней отдельных и всех вместе взятых частей механизма. Равным образом и отдельные части механизма, будучи объединены одной общей идеей, получают эту идею совершенно в отвлеченном и общем виде. Она их несколько не изменяет как таковых, а лишь дает свой метод объединения. Отсюда механизм неизбежным образом схематичен. Он воплощает на себе чуждую своему материалу идею; и эта идея, это его “внутреннее”, остается лишь методом объединения отдельных частей, голой схемой» [Лосев, 1990. С. 149]. Именно в силу того, что инцидентия – механизм, т. е. «лишь метод объединения отдельных частей, голая схема», стало возможным появление таких терминов, как «концептуальная схема слова», «концептуальная схема предложения», «концептуальная схема текста», знаменующих развитие психосистематики, или, в российском варианте, концептологии, являющейся, на наш взгляд, важнейшим разделом когнитивной лингвистики.

Данный механизм универсален, так как функционирует на всех уровнях языка и обеспечивает изоморфизм этих уровней. Он является оперативным в силу того, что представляет собой мыслительную операцию соотносительности, включения, объединения вклада и опоры в пределах или за пределами языкового знака, а также в силу того, что функционирует в оперативное время, под которым понимается время системных операций образования языковых единиц. На уровне парадигматики – это неизмеримое

преддискурсивное время, на уровне синтагматики – измеримое дискурсивное время.

На уровне слова механизм инцидентии определяет его частеречную сущность. Соотнесенность, или инцидентия, двух семантических частей – означаемого вклада и опоры (в традиционных терминах – сигнификата и денотата), в пределах или за пределами одного означаемого (знака) является языковым маркером частей речи, критерием, по которому происходит их классификация.

У имени существительного инцидентия внутренняя. Это значит, что опора и вклад совмещаются внутри слова как знака. Внутренняя инцидентия свидетельствует о том, что имя значит то же, что и обозначает, т. е. значение и обозначение совмещаются внутри знака, имя существительное инцидентно самому себе. Так, слово «homme» – человек, можно сказать только о существах, принадлежащих к общности, которую подразумевает данное слово, инцидентия не выходит за пределы подразумеваемой общности. По словам Р. Валена, имя существительное определяет сразу, с момента появления вклада, природу опоры, в рамках которой реализуется в речи их языковая соотносительность [Valin, 1981. P. 5–6]. Другими словами, семантическая природа имени существительного такова, что при его оформлении в лингвистическом сознании говорящего с момента появления понятия о предмете (вклада, сигнификата) сразу возникает и образ этого предмета (опора, денотат, или, как называет его Г. Гийом, логическое лицо), причем они существуют не изолированно, а тотчас соотносятся друг с другом.

Другие части речи обладают внешней инцидентией, так как у них опора (логическое лицо) не входит в состав данного значения. Имея вклад значения (сигнификат), они не имеют опоры, логического лица (денотата, образа предмета), с которым этот вклад можно соотнести, т. е. имея значение, они не имеют обозначения (образа означаемого предмета), опоры внутри своего знака и ищут его в другом слове.

Так, глагол и имя прилагательное, имея вклад (сигнификат) – понятие о движении и о признаке предмета, не имеют опоры, логического лица (образа предмета), к которому бы эти понятия относились. Они ищут опору в имени существительном, данные части речи обладают инцидентией первой степени. Наречие обладает внешней инци-

денцией второй степени, так как оно соотносится с существительным не непосредственно, а опосредованно, через глагол или прилагательное.

Как и слово, предложение объединяет в границах своего означаемого две семантические части – вклад и опору (логическое лицо). На уровне предложения они соответствуют: опора – понятию предмета речи, т. е. того, о чем идет речь; вклад – понятию того, что говорится о предмете речи. В других терминах в этом случае говорят о субъекте и предикате (логико-семантический уровень предложения) или о теме и реме (коммуникативный уровень предложения). В более широком смысле можно говорить о предмете и его признаке, где один элемент несет значение, а другой – его обозначение. Опорой является значение предмета.

Механизм инцидентности на уровне предложения соотносим с механизмом предикативности признака предмету в акте предикации. По существу, механизм инцидентности опоры и вклада есть механизм предикативных отношений подлежащего и сказуемого, с которыми указанные термины соотносятся на уровне поверхностной структуры предложения. Г. Гийом говорил, что подлежащее по своей природе представляет собой опору, а сказуемое – вклад, функция подлежащего соответствует функции с положительной инцидентностью, в то время как функция глагола-сказуемого соответствует функции с отрицательной инцидентностью, которая ищет себе опору. В речи всегда говорится о чем-либо, всегда есть то, о чем говорят, т. е. обязательная опора (*support obligé*), к которой вклад, являющийся тем, что скажут (будут говорить) о предмете речи, инцидентен. В речи говорится об опоре, которую мысль выбирает в соответствии с моментом речи, и говорится об этой опоре с помощью вклада значения [Guillaume, 1973. P. 70, 61].

Различие между семантической структурой слова и предложения, рассматриваемых с точки зрения механизма инцидентности, состоит в различии последовательности совпадающих импульсов. У слова последовательность импульсов идет от вклада к опоре. Предложение образуется последовательностью импульсов от опоры к вкладу. Иной порядок следования импульсов в предложении невозможен, поскольку опора, или логическое лицо, мыслится как элемент пост-

янный, соответствующий тому, о чем идет речь, тогда как вклад есть то, что говорится о предмете речи, что определяет предмет речи [Скрелина, 1980. С. 67].

Существительное как часть речи с помощью своей семантической опоры «превращается» в подлежащее как член предложения. Это «превращение» возможно постольку, поскольку оформившись в системе языка как слово с внутренней инцидентностью существительное сохраняет свою системную характеристику в речи, т. е. в предложении, а через предложение и в тексте. Заклучая в себе значение и обозначение предмета мысли, подлежащее, выраженное именем существительным (в данном случае речь идет только о таком типе подлежащего), становится логическим лицом, опорой в предложении, с которой соотносятся все другие члены предложения.

Инцидентная соотношенность членов предложения носит характер системных операций, повторяющийся всякий раз в ходе порождения каждого конкретного высказывания. Вместе с тем предикативный характер инцидентности вследствие своего программно-алгоритмического характера может лишать предложение сущностного подлежащего и делать подлежащим какую-либо формальную единицу.

Если сказуемое, являясь вкладом (неся значение признака), ищет опору в подлежащем (несущем значение предмета), выполняя таким образом предикативную функцию, то подлежащее можно определить как элемент, вызывающий предикативную функцию. Подлежащее способно вызывать предикативную функцию, так как по своей природе это элемент, требующий определения, поскольку означает предмет мысли. Если бы не требовалось определить подлежащее, то не нужно было бы и сказуемого.

В этом плане подлежащее является абсолютным определяемым и как таковое имеет инвариантную форму, независимую от класса сказуемого, и независимую позицию в структуре предложения. Механизм инцидентности объясняет противоречивый, диалектический характер подлежащего: оно может быть и семантическим и формальным центром предложения, является абсолютным определяемым и в то же время имеет предикативную функцию, так как называет референт лица, обозначенного глагольным окончанием.

В качестве базового мы принимаем положение теории психосистематики о том, что логическое лицо (опора) – исходная концептуальная категория единиц разных уровней, включая текст. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть несколько более подробно вопрос о том, как понимается категория лица в научной школе Г. Гийома. Речемыслительным механизмом порождения текста, как и других языковых единиц, является механизм инцидентии. Рассмотрим его действие на уровне текста. При этом имеется в виду концептуально-семантический, смысловой уровень текста.

Лингвистическая традиция представляет лицо как морфологическую категорию в единстве ее категориального значения и форм выражения. В качестве категориального значения рассматривается соотношение субъекта действия и говорящего лица. Субъект речи (говорящее лицо), совпадающий с субъектом действия или включающий его, выражается через первое лицо единственного или множественного числа; соотношение субъекта речи с собеседником – тем, кому адресована речь, выражается через второе лицо; тот (то), о ком (о чем) идет речь и который не является ни субъектом речи, ни адресатом (слушающим), выражается через третье лицо.

На формальном уровне категориальное значение лица представлено в парадигме местоимений, где ядерным элементом служит система личных местоимений, а также система местоименных прилагательных и глагольных окончаний. Мы ограничиваемся рассмотрением некоторых общих положений в той мере, в какой нам это необходимо для понимания лингвистической сущности текста, где категория лица является смыслообразующей.

Отношения между первым, вторым и третьим лицом, составляющими категорию лица, неоднородны и получают различное толкование. При том, что большинство ученых признает принципиальное различие между первым и вторым лицом, с одной стороны, и третьим лицом – с другой, существует разная трактовка лиц. Основной вопрос, вокруг которого ведутся дискуссии, касается категориального статуса третьего лица. Одни ученые выводят третье лицо за пределы категории лица, отказывая ему в статусе участника акта коммуникации и на этом основании определяя его как «нелицо» [Бенвенист, 1974].

Другие считают, что третье лицо не может быть вынесено за пределы категории лица, что Э. Бенвенист путает отсутствие в акте коммуникации объекта речи, обозначаемого формой третьего лица (*absence de personne*), и отсутствие лица (*personne absente*). Третье лицо, которое может показаться наименее «личностным» (*personnelle*) из трех лиц, тем не менее не является «нелицом» [Joly, 1987]. Вторая точка зрения опирается на положение Г. Гийома об объектном, или логическом, лице, называемом опорой. Как указывалось выше, это лицо, о котором идет речь. Оно имеет двойственный имплицитно-эксплицитный характер, является тем языковым фактом, на котором основывается внутренняя экономия системы лица [Guillaume, 1973. P. 64].

Лицо, о котором идет речь, или логическое, объектное лицо, имплицитно присутствует в первом и во втором лице, поскольку говорящее лицо может говорить и о самом себе. Первое лицо – это тот, кто, говоря, говорит о себе, становясь не только говорящим первым лицом, но и третьим лицом, о котором говорится. Второе лицо в такой же степени содержит в себе, как и первое лицо, идею третьего лица [Cervoni, 1987. P. 30; Скредина, 1992. С. 79], ведь третьим лицом, о котором говорится, может стать и «ты». Первое и второе лицо являются лицами, имеющими в акте коммуникации двойную референцию: с лицом говорящим и с лицом, о котором говорится. На схеме это выглядит следующим образом (схема воспроизводится по кн.: [Скредина, 1997. С. 85]):

$$1 \text{ лицо } je = \frac{1 \text{ лицо в коммуникации}}{\text{лицо, о котором идет речь}} +$$

$$2 \text{ лицо } tu = \frac{2 \text{ лицо в коммуникации}}{\text{лицо, о котором идет речь}} +$$

$$3 \text{ лицо } il = \frac{(\text{отсутствующее лицо в коммуникации})}{\text{лицо, о котором идет речь}}$$

Схема показывает наличие постоянного элемента, находящегося в знаменателе. Этот элемент – логическое, объектное лицо, которое в акте коммуникации всегда играет пассивную роль, оно образует систему вследствие своей постоянности. В первом и втором лице данный элемент присутствует имплицитно, в третьем – эксплицитно.

Элемент, находящийся в числителе, имеет переменный характер (первое и второе лицо) или может отсутствовать (третье лицо). Но это значимое отсутствие, нулевая

форма, которая не ведет к разрушению категориальной оппозиции. Так же, как есть нулевой артикль, нулевое подлежащее, на наш взгляд, можно говорить о нулевом лице, имея в виду активных участников акта коммуникации – говорящего и слушающего. Здесь наблюдается явление так называемой отрицательной морфологии [Гийом, 1992. С. 77]. Более того, именно отсутствие активного лица в речевом акте дает возможность логическому лицу в третьей позиции указанной выше схемы объективироваться и всегда выступать в эксплицитной форме как лицо, о котором идет речь. Таким образом, объектное логическое лицо является открытой, эксплицитной категорией в третьем лице и скрытой, имплицитной категорией во втором и в первом лице. На категории «объектное лицо» построена система грамматических лиц, данная категория обеспечивает гибкость, пластичность, динамизм системы. В теории психосистематики фундаментальным оказывается не первое, но третье лицо, то, о котором идет речь.

Диалектический характер категории лица почувствовал П. А. Флоренский, который заметил, что «я» трансцендентно, скрыто не только от других, но и от себя самого в собственной своей глубине. «Я» является же оно – как «ты» и как «он». Как «ты» оно являет себя лицом, а как «он» – вещь [Флоренский, 1990. С. 401]. Способность лица быть вещью в языке реализуется в наличии категории лица у имени существительного. При этом у имени существительного лицо инвариантно – всегда третье, тогда как у глагола оно и инвариантно (всегда имеет место) и вариантно (бытование реализуется в трех лицах). В психосистематике принято положение о том, что категория лица принадлежит и глаголу, и имени существительному. У глагола данная категория реверсивна, т. е. взаимовозвратна, взаимнообратима в том плане, что она проявляется в имплицитном или эксплицитном присутствии объектного логического лица в порядковых лицах глагола. Другими словами, предмет речи – логическое лицо, опора постоянно присутствует в скрытом или явном виде во всех грамматических формах глагольного лица. Присутствие логического лица в существительном в виде семы третьего лица «он» определяет его языковую, частеречную сущность как слова с внутренней инцидентией.

Мы полагаем, что для такой единицы, как текст, логическим лицом, опорой в семантической структуре текста является лицо персонажное. Мы вводим данный термин – «персонажное лицо», который будем употреблять наряду с термином «персонаж», для того чтобы подчеркнуть лингвистический аспект, поскольку термин «персонаж» традиционно принадлежит литературоведению. Персонаж соответствует понятию предмета речи, как того, о чем идет речь. Вкладом, понятием того, что говорится о предмете речи, будет рассматриваться информация о персонаже, заложенная в тексте и которую в обобщенном виде можно рассматривать как признак предмета речи.

Доказательством того, что персонажное лицо можно рассматривать в качестве опоры, логического объектного лица текста, для нас служит факт, что персонаж определяет сущностно-бытийный, онтологический характер текста, поскольку является его пространственно-временным параметром [Гальперин, 1981. С. 95]. Доказательством того, что персонаж – логическое лицо, семантическая опора в тексте, служит также и факт невозможности замены одного персонажа на другой. Если это произойдет, текст в смысловом плане «рассыплется».

Итак, речемыслительный механизм порождения текста, как и других языковых единиц, есть механизм инцидентии. По механизму инцидентии художественный текст – это знак с внутренней инцидентией, как слово. Он имеет и опору (персонажное лицо), и вклад (информацию о персонаже или признак опоры в широком смысле) внутри себя как знака, в своей семантической структуре. Вследствие этого «на знаковом уровне текст является законченным целым» [Новиков, 1983]. Механизм соотнесенности вклада и опоры есть процесс психический, мыслительный, изначально присущий человеку в его отношениях с другими людьми (оппозиция Человек – Человек) и с внешним миром (оппозиция Человек – Универсум). На уровне текста он действует как в системе автора, так и в системе читателя. Теория психосистематики и метод инцидентии позволяют представить процесс порождения текста в динамике его образования как в системе автора, так и в системе читателя одновременно, в то время как в других теориях он обычно представлен изолированно либо в

лингвистике «от автора», либо в лингвистике «от читателя».

Список литературы

Бенвенист Э. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Пер. с фр. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1992. 218 с.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Опыты. Литературно-философский сборник / Сост. А. В. Гулыга. М.: Сов. писатель, 1990. С. 137–173.

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 213 с.

Скрелина Л. М. О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения / Под ред. Л. М. Скрелиной. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. С. 61–70.

Скрелина Л. М. Двадцатый век: открытия и признания // Лингвистические проблемы искусственного интеллекта: Материалы VII симпозиума, 27 октября 1992 г. / Отв. ред.

П. М. Алексеев, Л. Н. Беляева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1992. С. 75–92.

Скрелина Л. М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. Ч. 1. 95 с.

Флоренский П. А. Имена // Опыты. Литературно-философский сборник / Сост. А. В. Гулыга. М.: Сов. писатель, 1990. С. 351–418.

Cervoni J. L'énonciation. P.: Presses Universitaires de France, 1987.

Guillaume G. Lecons de linguistique, 1948–1949. Série C. publ. par R. Valin. Québec: Presses de l'Univ. Laval. P.: Klincksieck, 1973. 256 p.

Joly A. Essais de systematique enonciative/ Lille: Presses Universitaires de Lille, 1987.

Stéfanini G. A propos de la notion d'incidence en psychomécanique // Travaux de linguistique et de littérature romanes de l'Université de Strasbourg. XIII.1. Strasbourg, 1980. P. 43–51.

Valin R. Perspectives psychomécaniques sur la syntaxe. Québec: Presses de l'Univ. Laval, 1981. 97 p.

Материал поступил в редколлегию 01.09.2006